

— Динь! — наконец раздался звук открывающихся дверей лифта. Бай Лэ первым шагнул вперёд, но боковым зрением продолжал следить за тем, кто остался сзади. Тот так и не двинулся с места. Бай Лэ с облегчением вздохнул: хорошо, что не столкнулись. Похоже, у того были дела, а не просто развлечения, как у него.

— Пока! Раз уж мы вместе прошли через жизнь и смерть, в следующий раз, если увидимся, обязательно поздороваемся, — как бы то ни было, проявить инициативу и выразить дружелюбие никогда не помешает.

Бай Лэ помахал рукой, но двери лифта закрылись слишком быстро, и он не успел ни разглядеть выражение лица того человека, ни услышать ответ.

Он безучастно пожал плечами и направился в частную комнату. У Хуа и компания уже давно ждали его. Увидев Бай Лэ, все поднялись, требуя, чтобы сегодня он платил.

Бай Лэ, сознавая свою вину за опоздание, великодушно махнул рукой:

— Сегодня я угощаю.

Освещение в комнате было выдержано в особой стилистике, создавая особую атмосферу. Рядом стоял бильярдный стол, на диванном столике в беспорядке лежали игральные карты.

— Пока тебя ждали, заскучали, немного поиграли на бильярде. Хочешь присоединиться?

Бай Лэ снял пиджак, ослабил воротник рубашки и сел:

— Сейчас не хочется играть в это. Давайте лучше в карты.

Остальные, естественно, согласились. Сяо Чжоуцзы взялся раздавать карты. Бай Лэ взглянул на свою руку и невольно сморщился. Похоже, сегодня удача не на его стороне.

Помучившись некоторое время, он наконец сбросил одну карту и, не забывая спросить У Хуа, произнёс:

— А где твоя машина? Когда пойдём смотреть?

Сяо Чжоуцзы перехватил инициативу:

— Внизу. У Хуа сказал, что первую поездку на своей новенькой тачке доверяет тебе.

Бай Лэ расплылся в улыбке и подмигнул У Хуа:

— Отлично, вот это по-дружески.

У Хуа вздохнул:

— Эту машину мне всё-таки купил мой старик. Мой второй брат завёл на стороне любовницу и забеременил её, а старший брат совершил ошибку в корпоративных решениях, нанёс немалый ущерб. Старик так разозлился, что по сравнению с ними даже я, вечно считавшийся бесполезным, стал смотреться в его глазах куда лучше.

Карты у Сяо Чжоуцзы, видимо, тоже были не ахти. Он долго чесал в затылке и морщился, а в конце концов, словно решив, что это бессмысленно, швырнул карты на стол.

— Смертная тоска! Может, найдём какое-нибудь развлечение?

— Какое развлечение?

На лице Сяо Чжоуцзы появилась многозначительная улыбка:

— То, что любят делать все мужчины.

Бай Лэ на мгновение замер, почувствовав, что, кажется, догадывается, о чём речь.

И действительно, вскоре подтвердились его догадки, когда метрдотель привёл группу молодых красивых девушек.

— Подожди, — Сяо Чжоуцзы вдруг окликнул метрдотеля, собиравшегося уйти, и пригрозил:

— Не смей говорить моему брату, иначе тебе несдобровать.

Метрдотель поспешно закивал, почтительно поклонился и ретировался.

— Надо было предупредить, иначе они точно наябедничали бы моему брату, — Сяо Чжоуцзы повернулся к Бай Лэ и остальным, чтобы объяснить.

— Почему?

— Потому что у моей семьи есть доля в этом клубе. Хотя он не занимается управлением, но всё равно считается наполовину владельцем. Стоит только чему-то случиться, как эти люди сразу бегут докладывать моему брату. Нужно хорошенько их проучить, чёрт побери. Жаль, что не подумал об этом раньше и не выбрал другое место, — он тоже решил спонтанно, потому что играть стало совсем скучно.

Бай Лэ задумчиво кивнул, но тут же о чём-то вспомнил и серьёзно произнёс:

— Тогда тебе нужно дать брату совет: пусть хорошенько отремонтирует лифт, нечего мудрить с разными прибабасами, — произнеся это, он вспомнил свирепый вид того брата в прошлый раз и поспешил добавить:

— Только запомни, не говори, что это от меня.

Сяо Чжоуцзы скривил лицо:

— Да я и сам побоюсь ему такое сказать.

Бай Лэ похлопал его по плечу и сказал с отеческой заботой:

— Смелей, не теряй перед братом уверенности.

Девушки, приведённые метрдотелем, были разного роста и типажа. Бай Лэ тоже выбрал девушку с длинными прямыми волосами, выглядевшую спокойной. Поговорив с ней пару фраз, он узнал, что она учится балету. Он не стал спрашивать, почему она здесь, их разговор был поверхностным.

На самом деле, этих девушек пригласили, чтобы те скрашивали компанию, подливали выпивку и создавали настроение. Несколько парней, уже изрядно подвыпивших, позволяли себе потрогать их, но дальше определённых границ никто не заходил.

Эти богатые наследники, говоря откровенно, всё же были подвержены чувству превосходства. Они не могли вступать в связь с такими девушками. У большинства из них были чистенькие любовницы, и иногда они позволяли себе поохотиться на стороне, но не на таких.

Бай Лэ до сих пор не совсем влился в этот круг. По-настоящему он был знаком здесь только с У Хуа и Сяо Чжоуцзы.

Ребята начали играть в камень-ножницы-бумага и выпивать. У Хуа и Сяо Чжоуцзы веселились от души. Бай Лэ, которому потом предстояло вести машину, приходилось сдерживать желание выпить, и он, опустив голову, играл на телефоне, чтобы отвлечься.

Девушка с длинными волосами рядом с ним нервно подняла бокал, колеблясь, стоит ли ей предложить тост.

Она редко видела такого красивого клиента, но, похоже, он не проявлял к ней интереса. Впрочем, это и не удивительно: таким, как он, не до таких, как она.

Неожиданно этот клиент оказался не похож на остальных. Хотя он выглядел ветреным, но говорил с ней очень вежливо, и его шутки были уместными.

— Сегодня я не хочу пить. Тебе тоже не нужно следовать указаниям метрдотеля и постоянно предлагать тосты. Расслабься.

Услышав это, девушка с благодарностью посмотрела на него, не ожидая, что он обратит на это внимание.

Прошло ещё минут десять. Бай Лэ заскучал и уже собирался уходить, как вдруг дверь комнаты распахнулась снаружи.

— ... Брат, — Сяо Чжоуцзы нерешительно проговорил, фразу «опять ты?» так и не выговорив до конца, проглотив её.

— Что ты здесь делаешь? — он тут же оттолкнул сидевшую рядом девушку, потирая руки, встал.

Взгляд Чжоу Куня медленно скользнул по всем присутствующим в комнате. Почему-то, остановившись на Бай Лэ, он слегка замедлился и окликнул его:

— Господин Бай.

Как бы то ни было, Бай Лэ всё-таки отличался от этих гуляк-наследников. Хотя внешне разницы не было видно, но лицо нужно было соблюсти.

— Я наверху вёл с кем-то переговоры, твой четвёртый дядя тоже был. В середине разговора кто-то сообщил мне, что мой никчёмный братец тоже здесь развлекается, да ещё и нескольких девушек позвал. Естественно, я пришёл посмотреть, пришли ли они моему брату по вкусу.

В душе Чжоу Кунь кипел от гнева, с трудом сдерживая желание пнуть этого непутевого брата.

Идиоты в этом клубе совсем обленились, раз осмелились привести ему таких девушек, да ещё и взяли на работу ту самую девушку, что недавно нахамила четвёртому дяде.

Эта девчонка снова вертелась у них перед носом. Не говоря уже о её подозрительном статусе, одно только такое совпадение... Хотя четвёртый дядя ничего и не сказал, но он, Чжоу Кунь, не

мог так просто это оставить.

Слушая его ледяной тон, Сяо Чжоуцзы дрожал от страха и поспешил заверить:

— Не волнуйся, брат, как я могу связываться с такими девчонками? Да ещё и брезговать не буду.

Неожиданно лицо Чжоу Куня после этих слов стало ещё мрачнее, и он яростно сверкнул на брата глазами.

— Дурак, больше никогда не смей болтать такого. Сегодня тебе просто повезло, иначе я бы и сам не смог тебя спасти.

Все присутствующие были в недоумении, и лишь Бай Лэ понял, что он имел в виду. Родная мать Си Яня продавала своё тело. Если бы Си Янь тогда спустился с Чжоу Кунем и услышал эти слова, последствия были бы непредсказуемыми.

В оригинальном произведении отношение Си Яня к своей матери было хуже, чем к незнакомцу, и не только из-за её прежней неприглядной торговли собой, но и из-за многолетних издевательств, которым она его подвергала.

И его методы мести тоже были весьма неординарны.

Вернувшись в семью Си и восстановив свою фамилию, он шаг за шагом поднялся на высоту, немыслимую для обычного человека. К удивлению всех, после смерти своего отца он, вопреки возражениям, забрал свою родную мать обратно в семью Си.

Со стороны можно было лишь восхититься его умением не держать зла, ведь кровные узы всё-таки есть кровные узы. Но только Бай Лэ знал, что это и была настоящая казнь с конфискацией имущества.

Он дал этой, казалось бы, счастливой семье из трёх человек выбор: спросил свою мать, не хочет ли она вернуться с ним, чтобы жить в роскоши и богатстве.

И эта женщина бросила своего мужа и сына, уйдя с тем сыном, которого прежде всегда презирала.

Так он с лёгкостью разрушил их ложное счастье.

А на пятый год пребывания Тань Ляньсинь в семье Си, когда она полностью погрузилась в роскошную жизнь богатого клана, он под предлогом болезни отправил её в психиатрическую лечебницу.

Когда она полностью утонула в праздной, развратной жизни, он внезапно отнял у неё всё, включая свободу.

Неизвестно, было ли это преднамеренно или случайно, но эта психиатрическая больница оказалась той самой, куда когда-то отправили его самого по воле Тань Ляньсинь и других.